ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В последние десятилетия растет интерес к институциональной теории вообще и к ее неоинституциональному направлению в особенности. Отчасти это связано с попытками преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для экономике (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.). и рассмотреть современные экономические (и не только экономические!) процессы комплексно и всесторонне, отчасти — с необходимостью исследования новых явлений эпохи НТР, когда применение традиционных методов анализа не дает желаемого результата.

Современный институционализм возник не на пустом месте. У неоинституционалистов были предшественники — представители «старого», традиционного институционализма, которые также пытались наладить связи между экономической теорией и правом, социологией, политологией и т.д. Однако между взглядами «старых» институционалистов (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл) и неоинституционалистов есть по крайней мере три коренных различия.

Во-первых, «старые» институционалисты (в частности, Дж. Коммонс в «Правовых основах капитализма») двигались от права и политики к экономике, пытаясь подойти к анализу проблем современной экономической теории при помощи методов других наук об обществе. Неоинституционалисты идут прямо противоположным путем — изучают политологические, правовые и многие другие проблемы общественных наук при помощи методов неоклассической экономической теории и прежде всего с применением аппарата современной микроэкономики и теории игр.

Во-вторых, «старый» институционализм базировался прежде всего на индуктивном методе, шел от частных случаев к обобщениям, в результате чего общая институциональная теория так и не сложилась. Институты здесь анализировались без общей теории, в то время как ситуация с основным течением экономической мысли была, скорее, обратной: традиционная неоклассика была теорией без институтов. В современном институционализме положение коренным образом меняется: неоинституционализм использует дедуктивный метод — от общих принципов неоклассической экономической теории к объяснению конкретных явлений общественной жизни. Здесь сделана попытка анализировать институты на базе единой теории и внутри нее.

В-третьих, «старый» институционализм как течение радикальной экономической мысли преимущественно обращал внимание на действия коллективов (в первую очередь профсоюзов и правительства) по защите интересов индивида; неоинституционализм ставит во главу угла независимого индивида, который сам, по своей воле и в соответствии со своими интересами решает, членом каких коллективов ему выгоднее быть.

Единая классификация институциональных теорий до сих пор так и не сложилась. В этой связи безусловный интерес представляет классификация, предложенная А. Олейником. Она пытается учесть многообразие современных подходов и взаимосвязи между некоторыми из них. Однако при таком подходе вольно или невольно преуменьшается значение современной экономики соглашений и напрямую связываются противоположности: конституционная экономика и «старый» институционализм. К тому же обедняется содержание и «старого» институционализма: из него вырастают только экономика соглашений и конституционная экономика, и оставляются в стороне такие известные институциональные теории, как концепция конвергенции, теории постиндустриального и постэкономического общества, экономика глобальных проблем.

Между тем структура как старых, так и новых институциональных концепций гораздо сложнее. До сих пор сохраняется дуализм «старого» институционализма и неоинституциональных теорий. Оба направления сформировались либо на основе неоклассической теории, либо под ее заметным влиянием (рис. I). Так, неоинституционализм развивался, расширяя и дополняя магистральное направление экономике, что получило название «экономического империализма». Вторгаясь в сферу других наук об обществе (права, социологии, психологии, политики и др.), эта школа использовала традиционные микроэкономические методы анализа, пытаясь исследовать различные общественные отношения с позиции рационально мыслящего «экономического человека» (Homo oeconomicus).

Поэтому отношения между людьми здесь рассматриваются прежде всего сквозь призму взаимовыгодного обмена; такой подход называют контрактной (договорной) парадигмой[1].

Если в рамках первого направления (неоинституциональная экономика) институциональный подход лишь расширил и модифицировал традиционную неоклассику, оставаясь в ее пределах и снимая лишь некоторые наиболее одиозные предпосылки (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установление равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), то второе направление (институциональная экономика) в гораздо большей степени опиралось на «старый» институционализм (нередко весьма «левого» толка)[2].

Если первое направление в конечном счете расширяет и углубляет неоклассическую парадигму, подчиняя ей все новые и новые сферы исследования (семейные отношения, этику, политическую жизнь, межрасовые отношения, преступность, историческое развитие общества и др.), то второе направление приходит к полному отрицанию неоклассики, рождая институциональную экономику[3], оппозиционную к неоклассическому «мэйнстриму». Институциональная экономика отвергает методы маржинального и равновесного анализа, беря на вооружение эволюционно-социологические методы. Речь идет о таких направлениях, как

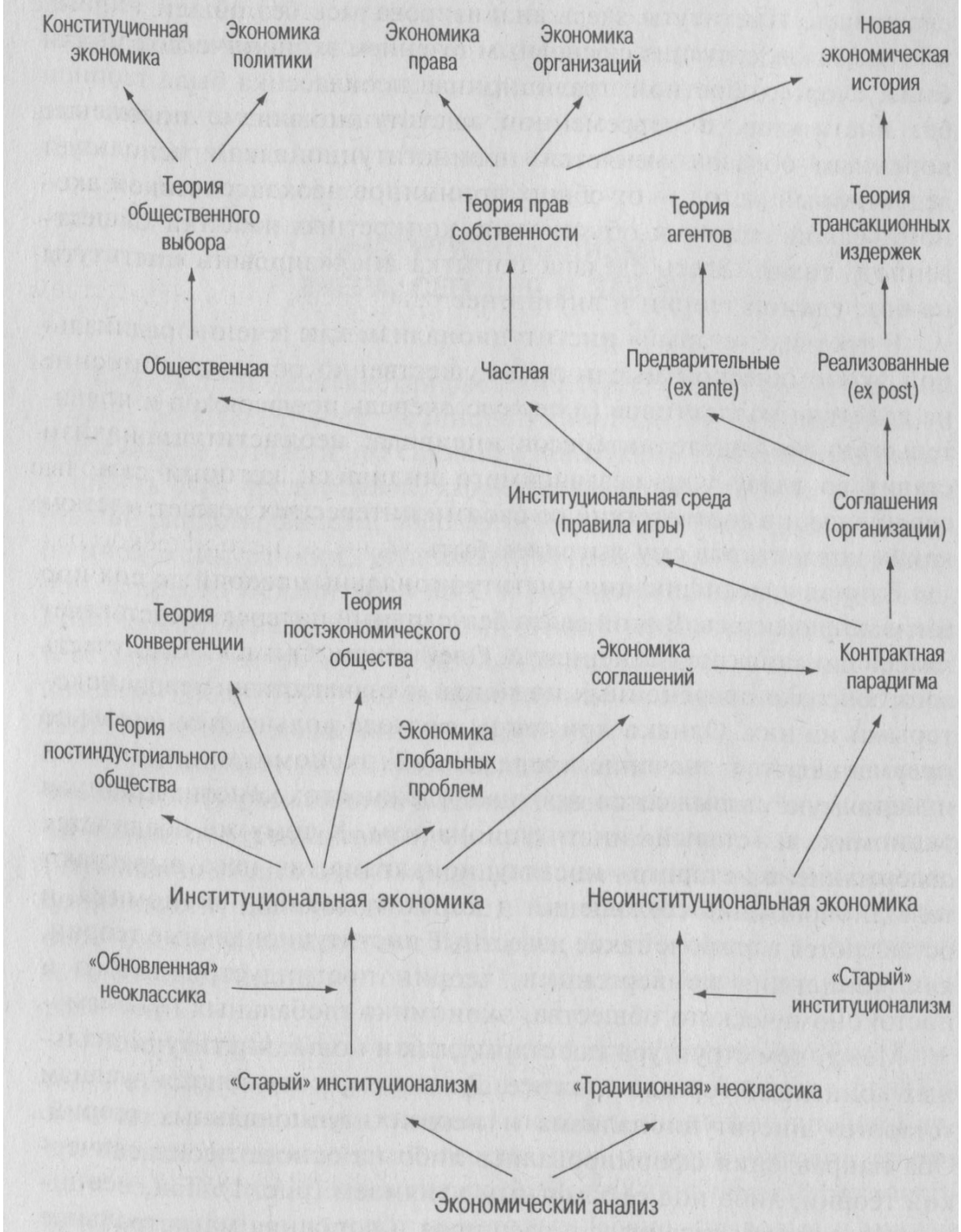

Рис. 1. Классификация институциональных концепций

концепции конвергенции, постиндустриального, постэкономического общества, экономика глобальных проблем. Поэтому представители данных школ выбирают такие сферы исследования, которые далеко выходят за пределы рыночного хозяйства (например, проблемы творческого труда, преодоления частной собственности, ликвидации эксплуатации и т.д.)[4]. Относительно обособленно в рамках данного направления стоит лишь французская экономика соглашений, пытающаяся подвести новую основу под неоинституциональную экономику и прежде всего под ее контрактную парадигму. Этой основой, с точки зрения представителей экономики соглашений, являются нормы.

Контрактная (договорная) парадигма первого направления может реализовываться как через институциональную среду (выбор правил игры: социальных, юридических и политических), т. е. ***извне****, так и через отношения, лежащие в основе организации, т. е.* ***изнутри****.* В рамках этого направления теория прав собственности изучает институциональную среду деятельности экономических организаций в частном секторе экономики, а теория общественного выбора — институциональную среду деятельности индивидов и организаций в общественном секторе. Теория агентов (взаимоотношение «принципал—агент») концентрирует внимание на предварительных предпосылках (побудительных мотивах) контрактов (ex ante), а теория трансакционных издержек — на уже реализованных соглашениях (ex post), порождающих различные управленческие структуры. Конечно, различия между теориями довольно относительны, и часто можно наблюдать, что один и тот же ученый работает в разных областях неоинституционализма. Особенно это касается таких конкретных направлений, как «право и экономика» (экономика права), экономика организаций, новая экономическая история и др.

Неоинституционализм поставил во главу угла проблему мотивации человеческого поведения. Если неоклассическая теория, ориентируясь на результат, изучает, как рациональные индивиды (домохозяйства) максимизируют полезность, фирмы — прибыль, а государство — народное благосостояние, то неоинституционалистов интересует непосредственно процесс принятия решений, его условия и предпосылки. В этой связи большое значение приобретают сложившиеся в обществе нормы и правила поведения людей (У. Нисканен называет их совокупность «мягкой инфраструктурой экономики»). Если неоклассики абстрагировались от трансакционных издержек, фактически приравнивая их к нулю, то неоинституционалисты считают, что они всегда положительны. В то время как неоклассики изучали главным образом равновесные экономические модели взаимодействия экономических агентов, неоинституционалисты первостепенное внимание обращают на анализ внутренней структуры экономических агентов — домашних хозяйств, фирм и государства.

Поэтому неудивительно, что в отличие от традиционного неоклассического подхода современный неоинституционализм исходит из первостепенной

важности формирования не прав собственности как таковых, а социальных норм и правил. В этой связи большое значение имеет обоснованное в «Границах свободы» (1975) последовательное разграничение Дж. Бьюкененом двух разных функций государства: «государства защищающего» и «государства производящего».

Первая функция государства является результатом соглашения людей, ее выполнение служит своеобразным гарантом соблюдения ими конституционного договора. Обеспечение соблюдения прав в обществе означает прыжок от анархии к политической организации.

Вторая функция представляет государство в качестве производителя общественных благ. Она реализуется на базе конституционных прав и свобод как своеобразный договор между гражданами по поводу удовлетворения их совместных потребностей в ряде товаров и услуг. Но именно здесь и кроется основная опасность — перерождения государства в тоталитарное. Неоинституционалисты предлагают целый набор правил, которые препятствовали бы развитию государства в направлении автократического режима.

В общем виде система правил поведения классифицирована в монографии немецкого экономиста Виктора Ванберга «Правила и выбор в экономической теории»[5]. С известной долей условности она может быть определена следующим образом (рис. 2).

Правила поведения делятся на наследуемые, генетически передаваемые, и приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в свою очередь, делятся на личные и социальные, а социальные правила — на неформальные (закрепленные обычаями, традициями и т.д.) и формальные (закрепленные в правовых нормах). Наконец, формальные социальные правила включают «частное» и «общественное» (публичное) право. «Частное» право регулирует поведение не только отдельных индивидов, но и негосударственных организаций; в рамках «общественного» права выделяются правила, ограничивающие деятельность правительства и государства.

Такая классификация имеет определенное значение, поскольку помогает рассмотреть все многообразие правил, о которых ведут речь неоинституционалисты. Однако, как и всякая созданная по принципу альтернативного выбора (дихотомическому принципу) схема, она не свободна от недостатков, так как пытается отразить существующую структуру, а не процесс ее возникновения, эволюции. Ограниченность ее проявляется прежде всего в том, что она не показывает взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь гораздо богаче этой схемы, поскольку правила постоянно возникают, изменяются и отмирают, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепляемые санкциями формальные правила трансформируются в неформальные и т. д.

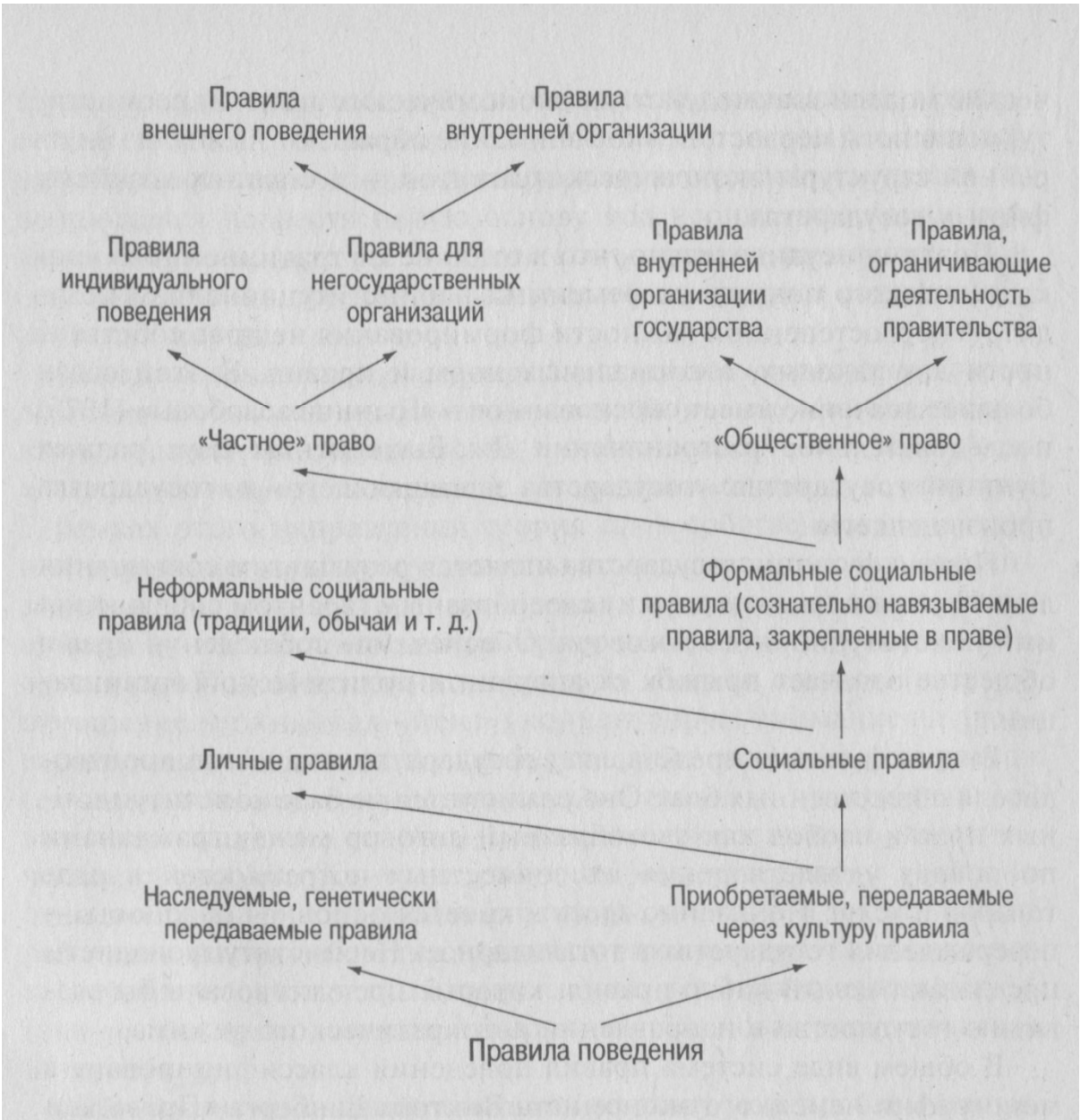

Рис 2. Классификация правил поведения (по В. Ванбергу)

Для нарушителей правил должна быть предусмотрена система наказаний. Однако при этом возникает «дилемма наказания»: «Для обеспечения такого общественного блага, как законопослушание, должно быть произведено такое общественное «антиблаго», как наказание»[6]. Издержки наказания включают два элемента — издержки выявления нарушителей и издержки наказания нарушителей. Именно последние и рассматриваются Бьюкененом как «антиблаго». Наказание обязательно налагается ex post («после»), хотя мера наказания должна быть выбрана ex ante («до»). По мнению Бьюкенена, никакое наказание не возмещает полностью ущерба, не восстанавливает status quo ante. Однако наказания все же должны применяться, поскольку они предотвращают нарушения, которые в противном случае могли бы быть совершены в будущем.

Поэтому создание эффективного политического режима требует действенной правоохранительной системы — эффективной благодаря не столько тяжести наказаний, сколько их неотвратимости. Эта идея особенно актуальна для современной России.

На наш взгляд, наиболее приемлемой концепцией институционального строительства в России в настоящее время является теория «социального рыночного хозяйства». Методологические основы ее были созданы ордолиберальной «теорией порядка» (В. Ойкен, Ф. Бем, В. Репке, А. Рюстов, Л. Микш, А. Мюллер-Армак). И здесь хотелось бы обратить внимание не на кажущуюся противоположность немецкой «теории порядка» и американской неоинституциональной экономики (что обычно подчеркивается российскими авторами), а на их общие черты.

Концепция социального рыночного хозяйства формировалась в атмосфере всеобщего хаоса в стране, где старый тоталитарный режим — «централизованно-управляемое хозяйство» — рухнул, а «меновое хозяйство» уже успело породить анархию и «черный рынок». Германия потеряла часть своей довоенной территории, была разделена на оккупационные зоны, производство в начале 1948 г. едва достигало половины уровня 1936 г. Огромные людские потери, деморализованное войной и разрухой население, 12 млн беженцев, изношенный реальный капитал, разрушенная инфраструктура, карточная система и сохранение элементов нацистской системы управления — вот далеко не полный перечень бедствий послевоенной Германии. Произошла, как говорил К. Маркс, «потеря старого мира без приобретения нового». Чувство апатии и безысходности толкало к пренебрежению установленными нормами. Порядок был настоятельно необходим, без него было немыслимо возрождение страны. И разработанная в 30-40-е годы «теория порядка» послужила методологической основой создания социального рыночного хозяйства в ФРГ.

Неоинституциональная экономика возникла в США в 60-е годы в процветающем «обществе массового потребления» и воспринималась некоторыми оппонентами как консервативная утопия университетских профессоров, не согласных с практикой кейнсианского регулирования. Представители академических кругов сформулировали набор фундаментальных правил, регулирующих рыночное хозяйство (рыночные правила игры), и потребовали их конституционного закрепления. Реализация этих правил помогла бы обществу, как считали защитники неоинституциональной теории, избавиться от засилья бюрократов и многочисленных «искателей политической ренты» (political rentseekers) в разросшемся государственном аппарате.

Парадоксальная на первый взгляд общность этих двух теорий имеет глубокие корни. Обе теории направлены на совершенствование рыночного хозяйства не путем прямого вмешательства государства в экономику, а через косвенное влияние на институциональную структуру общества. Либеральная природа обеих теорий очевидна, однако это не традиционный либерализм, а

либерализм нового типа. В отличие от неоклассиков в центре внимания неолибералов стоят не оптимизационные микромодели с набором предельных величин, а равновесные макромодели. Сами условия равновесия трактуются не с количественной, а с качественной, институциональной точки зрения. Новые теории продолжают традиции классического либерализма, отстаивая принципы индивидуальной свободы и частной собственности, но в отличие от классического либерализма XVIII-XIX вв. новые либералы ратуют за активное участие государства в экономической жизни, хотя понимают его деятельность совсем по-иному, чем сторонники теории Кейнса. Главное для них не поощрение «эффективного спроса» посредством экспансионистской политики государства, а создание институционального механизма стимулирования конкуренции и увеличения прибыли. Это достигается прежде всего путем установления жестких правовых рамок, ограничивающих монополизацию хозяйства, «нечестную конкуренцию» в целом[7].

«Теория порядка» и неоинституциональная экономика предстают как учения, ориентированные на человека, его свободу, социальную защиту, открывающие путь к свободному, экономически эффективному, устойчиво развивающемуся на основе внутренних стимулов обществу.

Но, подчеркнем, обе теории стремятся ослабить воздействие государства на рыночную экономику, опираясь на государство, достаточно сильное, чтобы навязать обществу правила игры и контролировать их соблюдение. Однако в переходный период, когда необходимы серьезное преобразование традиционных институтов, выработка принципиально новых правил игры, роль государства значительно возрастает. Именно такая проблема стоит перед современной Россией.

Понимая это противоречие, неоинституционалисты, тем не менее, настаивают на «минимальной политизации рыночного порядка» в переходной экономике, считая главными условиями успеха реформ, во-первых, «децентрализованное распределение возможностей производства экономических ценностей, равно как и четкое политико-правовое признание такого распределения», и, во-вторых, создание системы добровольного обмена между частными собственниками «принадлежащими им правами на имущество», подкрепленное политическим и правовым строем[8]. Конечно, эти условия недостаточны для становления рыночной экономики, но они минимально необходимы.

Осознание важности создания «мягкой инфраструктуры» российского рыночного хозяйства стало импульсом для генезиса отечественного неоинституционализма. Появились многочисленные специальные работы (не только абстрактно-теоретические, но и конкретно-эмпирические) по использованию неоинституциональных идей для объяснения особенностей современного российского хозяйства[9]. Однако систематизированного изложения институционального подхода до сих пор нет (за исключением недавно появившихся книг А.Е Шаститко и Я.И. Кузьминова)[10], что пре-

пятствует освоению этой новой парадигмы в России. Поэтому публикация учебного пособия «Институциональная экономика» А.Н. Олейника представляется весьма своевременной и чрезвычайно актуальной.

Круг отечественных работ, затрагивающих данные вопросы, уже достаточно широк, хотя, как правило, эти монографии мало доступны для большинства преподавателей и студентов, так как они выходят ограниченным тиражом, редко превышающим тысячу экземпляров.

Российские ученые осваивают институционализм, в основном знакомясь с переводами отдельных концептуальных работ зарубежных экономистов. Среди них прежде всего следует назвать книги нобелевских лауреатов Гуннара Мюрдаля «Азиатская драма. Исследование нищеты пародов» (сокращенный перевод «Современные проблемы третьего мира»), Джеймса Бьюкенена «Расчет согласия» и «Границы свободы», Рональда Коуза «Фирма, рынок и право», Дугласа Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики».

Большим достижением следует считать публикацию таких принципиально важных исследований, как работы Торстейна Веблена «Теория праздного класса», Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества», Мансура Олсона «Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп» (М.: Фонд экономической инициативы, 1995) и «Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз» (Новосибирск, 1998), Оливера Уильямсона «Экономические институты капитализма. Фирма, рынки, «отношенческая» контрактация», Клода Менара «Экономика организаций», Эрнандо де Сото «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» и др.

Ряд российских специалистов уже активно используют идеи неоинституционализма для объяснения особенностей современного хозяйства. Наиболее плодотворно работают в этой области С. Авдашева, А. Аузан, Р. Капелюшников, Ю. Кочеврин, Я. Кузьминов, В. Маевский, С. Малахов, В. Найшуль, А. Нестеренко, А. Олейник, В. Радаев, В. Тамбовцев, А. Шаститко, А. Яковлев. Однако главным препятствием для утверждения данной парадигмы в России, безусловно, является отсутствие методического пособия, где бы систематизировано излагались основы институционального подхода.

Единственным обзорным исследованием достаточно высокого уровня остается ставшая библиографической редкостью книга Р. Капелюшникова «Экономическая теория прав собственности». Ни одного зарубежного учебника по институциональной экономике на русский язык не переведено. Справедливости ради заметим, что и за рубежом число подобных обзорных изданий весьма невелико. Наиболее известные из них — учебник. Наиболее известные из них — учебник Эггертссона (*Eggertsson T.* Economic Behavior and Institutions) и двухтомная энциклопедия Элгара (The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics). Однако этот дефицит во многом восполняется немалым количеством специализированных журналов («Journal

of Institutional and Theoretical Economics», «Journal of Law and Economics», «Legal Studies», «Law, Economics and Organisation», «Public Choice»).

Учитывая растущий интерес к институциональной теории и успехи данной научной школы в исследовании переходной экономики, журнал «Вопросы экономики» опубликовал в 1999 г. одно из первых в России учебно-методических пособий по курсу «Институциональная экономика», подготовленное А.Н. Олейником. Автор — кандидат экономических наук, доцент, преподает в Государственном университете — Высшей школе экономики и на экономическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Предлагаемый вниманию читателей учебный курс «обкатан» в течение трех последних лет в названных вузах. Немаловажно заметить, что А.Н. Олейник стажировался во Франции, в Высшей школе социальных исследований (ENESS), славящейся своими достижениями в области институциональной теории, и сотрудничал с известными французскими учеными Лораном Тевено, Оливье Фаворо, Франсуа Эмар-Дюверне, Бернаром Шавансом, Робером Буайе, Владимиром Андреффом, Клодом Менаром и др.

Пионерная публикация данного учебного пособия может стать началом качественно нового этапа институциональных исследований в России. При всех возможных недостатках учебного пособия подобная систематизация основ институциональной теории предоставляет широкое поле для консолидации (или размежевания) российских институционалистов на концептуальной базе.

Достоинством учебного пособия А. Олейника является то, что он опирается в равной мере как на западноевропейскую, так и на американскую традиции неоинституциональных исследований. Дело в том, что американская и западноевропейская институциональные школы характеризуются довольно глубокими различиями. Американская традиция экономике в целом богаче, однако в сфере институциональных исследований европейцы оказались довольно серьезными конкурентами своих заокеанских коллег. Подобные различия обусловлены национально-исторической и социокультурной спецификой. Америка — страна «без истории» и потому для американского исследователя типичен подход с позиций рационального индивида. Напротив, Европа — колыбель современной западной культуры, и европейский ученый принципиально отвергает крайнее противопоставление индивида и общества, сведение межличностных отношений только к рыночным сделкам. Вследствие этого американцы часто сильнее в использовании математического аппарата, но слабее в оценке роли традиций, культурных норм, менталитета и т.д. — всего того, что составляет основы и преимущества институционализма.

В отличие от традиционного подхода А. Олейник исходит из первостепенной важности формирования не прав собственности как таковых, а социальных норм и правил. Понятие «норма» является основополагающим в системе категорий институциональной экономики. Если представители американского неоинституционализма рассматривают нормы прежде всего как

результат выбора, то французские неоинституционалисты — как предпосылку рационального поведения. Рациональность поэтому также раскрывается как норма поведения.

Характерной чертой современного неоинституционализма является широкое применение теории игр для моделирования взаимодействия между индивидами и структурами. В учебнике описываются не только основные понятия теории игр, но и типы равновесий (по Нэшу, Парето, Штакельбергу и др.), а также пути их достижения в различных моделях, анализируются конкретные примеры применения смешанных стратегий в экономике.

Несомненный интерес вызовет у читателей сравнительный анализ моделей идеальных типов институтов и норм и, главное, конституционных основ командной и рыночной экономики. Важно подчеркнуть, что автор не ограничивается описанием легальной экономики, но исследует и теневой сектор как порождение высоких трансакционных издержек, обусловленных действием в рамках закона. Однако диалектика процесса такова, что, экономя на одном типе издержек, экономические субъекты должны нести другие издержки, связанные с нелегальной деятельностью, в каком бы секторе теневой экономики они ни действовали (неофициальной, фиктивной или криминальной экономике).

Изложение основ институциональной теории завершается анализом изменений институтов во времени, соотношения эволюции и революции, издержек экспорта и импорта институтов в ходе исторического развития.

Учебное пособие включает следующие темы: «Институциональные рамки неоклассики», «Норма как базовый элемент институтов», «Теория игр и моделирование взаимодействий», «Институт плана и рынка», «Теорема Коуза и трансакционные издержки», «Нелегальная экономика», «Изменение институтов во времени: эволюция и революция».

Завершается пособие институциональным анализом основных экономических агентов. А.Н. Олейник дает развернутую характеристику основных типов контрактов — классического, неоклассического и имплицитного (отношенческого), что позволяет ему провести четкие границы между институтом и организацией. Он первоначально разбирает институциональную природу фирмы и государства и лишь потом переходит к изучению домохозяйства (хотя традиционным является противоположный подход — о домохозяйства как первичного института к фирме и государству как институтам вторичным, производным в рыночной экономике).

Вообще особенности институциональной природы домашнего хозяйства раскрыты автором, на наш взгляд, недостаточно глубоко. В современной экономической теории домохозяйство рассматривается в единстве трех аспектов ситуаций выбора: доход — потребление, труд — отдых, потребление — сбережения Именно такой подход оказался чрезвычайно плодотворным благодаря новаторским работам Г. Беккера [12], он позволил связать микро- и макроэкономику, глубже соединить экономическую теорию и социологию,

найти новые перспективные области для прикладных микроэкономических исследований.

Несомненный интерес читателей учебного пособия вызовет подробное изложение неоинституциональной теории фирмы как взаимоотношений принципала и агента. Следует подчеркнуть также как достоинство курса в целом анализ прикладных аспектов институтов вообще и организаций в частности. Концепция «принципала-агента» становится в изложении Олейника целостной исследовательской парадигмой, позволяющей переосмыслить даже взаимоотношения государства и граждан (в одних ситуациях государство выступает как принципал, граждане — как агенты, а в других ситуациях роли меняются с точностью до наоборот).

Наряду с лекционным материалом каждая тема содержит методическое обеспечение семинарских занятий (контрольные вопросы, основная и дополнительная литература, примеры решения типовых задач и тесты). Особый талант автор этой книги проявил в изобретении оригинальных вопросов и практических заданий, с использованием литературных ассоциаций и юмористических случаев и т. д.

Некоторые вопросы, поднимаемые автором учебного пособия, нуждаются в более подробном изучении и дальнейшем развитии. Но безусловно системный характер изложения дает возможность по-новому взглянуть на этот быстро развивающийся раздел экономической теории.

Автору удалось создать пособие нового типа — системное, глубокое и интересное. Именно такое соединение глубины содержания с увлекательной формой изложения, теории с практикой станет, видимо, образцом для подражания в III тысячелетии. Данное учебное пособие, несомненно, найдет в России широкую читательскую аудиторию и будет способствовать более глубокому осмыслению институциональной теории российскими преподавателями и студентами, всеми, кому небезразличны судьбы нашей страны.

Р.М. НУРЕЕВ,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ГУ-ВШЭ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Политика, — пишет, например, Дж. Бьюкенен, — есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике — соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда» (*Бьюкенен Дж.* Избранные труды. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. I. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 23).

[2] Хотя термин «новая институциональная экономика» был введен О. Уильямсоном еще в 1975 г. в работе «Рынки и иерархии» (*Williamson O*. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y., 1975. P. 35-44), его самого по основным параметрам его исследований скорее следует отнести к неоинституционалистам.

[3] См.: *Ходжсон Дж.* Жизнеспособность институциональной экономики/Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума. М.: Япония сегодня, 1997. С. 29-74.

[4] См., например: Иноземцев В. За пределами экономического общества. М.: Academia - Наука, 1998.

[5] *Vanberg V.* Rules and Choice in Economics. L., 1994

[6] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. Т. 1. С. 380.

[7] Подробнее см.: Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика// Вопросы экономики. 1995. № 12. С. 86-95.

[8] Бьюкенен Дж. Минимальная политизация рыночного порядка/От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М.: Catallaxy, 1993. С. III.

[9] См.: Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации/Под ред. С. Патрушева. М.: ИСП РАН, 1996; *Олейник А.Н.* Средства массовой информации и демократия (экономические предпосылки независимости электронных СМИ)//Полития. Вестник фонда «Российский общественно-политический центр». 1997. № 2; Фактор трансакциопных издержек в теории и практике российских реформ: по материалам одноименного «круглого стола»/Под ред. В.Л. Тамбовцева. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998: *Радаев В.Л.* Формирование

новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998; *Авдашева С., Колбасова А., Кузьминой Я., Малахова С., Рогачев И.,*

[10] *Шаститко А.Е.* Неоинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ-ТЕИС, 1998; Кузьминов ЯЛ. Учебно-методическое пособие к курсу лекций по институциональной экономике. М.: ГУ-ВШЭ. 1999.

[11] См.: Нуриев Р., Кохэн С. Современная экономика. Принципы и политика. Т. I. М,, 1996. Гл. 7-8. С. 109-148.

[12] Для читающих на русском языке эти труды Г. Беккера пока мало известны: Беккер Г. Человеческий капитал//США: экономика, политика, идеология. 1993. № II, 12; его же: Экономика семьи и макроповедение//США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2, 3.